

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ

«Зодиак изменился. Всё будет гораздо иначе – но рисунки и текст разлетевшихся перлом страниц непременно запишутся в чёрный магический ящик...» – полупшутя предсказал когда-то Саша Соболев, и как же больно сейчас это перечитывать... Да, стихи останутся, его серьёзные, горькие, глубокие, но человеческие и доверчивые к миру стихи продолжают своё существование – здесь ли или ещё где-нибудь. Но его голоса, его уверенной поступи, ауры его убеждённости и доброты, спокойной и светлой силы – больше нет и не будет... В других мирах он продолжит свой магический поиск истины – в стихах ли, в прозе или в иных носителях, кто знает...

Его стихи совершенно естественно встраивают человеческую жизнь в прошлое и в будущее. Там для автора ни в коем случае не две тёмных неизвестности – а сложная структура, которая зависит от наших сегодняшних поступков, которой определяется сегодняшнее наше бытие. И поэзия, слово как действие тоже это будущее определяет:

*Но то, что здесь вызревало (и станет большим там) –
немалое утешенье в путях неисповедимых.*

*Да славятся те, кто слово привил к твоим устам,
да будет за нас приветлив и милостив к ним Единый.*

Ольга Андреева

ПО ПРАВУ ГОВОРЯЩЕГО

О СТИХОСЛОЖЕНИИ

1.

Сначала появляется строка...

...которая, вниманием владея,
туманно намекает на идею,
едва определимую пока.
И кто бы знал до этого момента,
что муза, залучившая клиента,
от всей души вручит kota в мешке?
Заявится восторженная нимфа –
и вертится заезженная рифма,
как вошь на гребешке...

Строка, не признающая отсрочки, –
с наивностью проклюнувшейся почки,
с томлением набухшего зерна
она и ждёт, и жаждет, и стремится –
а ты сейчас – и бездарь, и тупица.
Напрасно заунывная зурна
проигрывает бездну вариаций.
С три короба одних аллитераций –
а толку ни хрена.

Высматривая будущего знаки,
пожухлые лексические знаки
упрямо культивирует стилист.
Попробует на вкус – одна половина...
И фраза вяжет рот, и вновь ни слова
не выдавить на лист.

Александр Соболев (1952-2023) – поэт, автор шести стихотворных сборников. Произведения опубликованы в журналах «Нева», «Дети Ра», «Prosodia», «Москва», «45-я параллель», «Южное Сияние», «Ковчег» и многих других. Лауреат премии журнала «Ковчег» (2006), победитель конкурса «Вечерней Москвы», обладатель Гран-при фестиваля «Провинция у моря» (2016), финалист Волошинского конкурса (2021).

И он с досадой пёрышко кладёт
и даме объявляет нелюбезно,
что новые попытки бесполезны,
что дело не пойдёт.

2.

Но вот, когда ты музе дал отставку,
когда идёт здоровье на поправку,
когда, казалось, кризис миновал –
та самая, первичная идея
войдёт с неумолчностью злодея –
и поражает душу наповал!

Та самая, первичная строка,
блестящая, а может быть, скупая,
твои грехи мгновенно искушая,
приобретает функции курка
для напряжённой арбалетной стали.

А дальше... как любовь на карнавале,
где всё и можно, и как раз пора,
где всё определённо состоится,
где утром просыпается царица
в объятьях школяра.
И кто дарит, и кто овладевает...

Слагаются, растут, отвердевают
в едином непрерывном катаклизме
рифмованного смысла острова,
и остается только удивляться,
откуда, в самом деле, могут браться
в таком небезупречном организме
такие совершенные слова!
Но удивленью – миг, а делу – время...
...Ломает корку огненное семя,
и каждый вдох – короче и плотней,
а каждый выдох – стопами размечен,
и черпаешь из океана речи
по праву говорящего на ней.
Причудливые формы принимая,
реальный, как ведическая майя,
но лишь тебе открывшийся мираж,
отзывчивый на жадный голод крови,
изменчивый в самой своей основе,
ложится под граненый карандаш.
И мысли смелы, и слова покорны,
и гул преображающего горна
непререкаем, неостановим,
и благодарной радости избыток...
Когда бесстрастно свёртывает свиток
незримый шестикрылый серафим.

3.

Уже свершён над пропастью полёт,
уже дыханью попросторней стало,
а эта совокупность материала –
ну, что же, с этих пор она живёт.
Она живёт, и жить – ее забота.

Сметаются остатки шелухи,
стираются неточные штрихи...
Заслуженно-ленивая Суббота...
И, может быть, теперь возникло что-то
с названием «стихи».

ТРИ БАЛЛАДЫ

МОРСКОЙ ЭТЮД С ДРАККАРОМ

Дела принимают дурной оборот,
ревёт штормовая погода...
От мысов Бретани, от бранных забот
под режущим ветром на север идёт
норманнский корабль из похода.

С поклажей, пропахшей солёной треской,
идёт он, гонимый звериной тоской
к утёсам далёкого фьорда.
Белёсыми хлопьями пены морской
покрыта свирепая морда.

Идёт, сотрясаясь, идёт напролом,
как лошадь, порвавшая сбрую,
к черте горизонта, встающей ребром.
Текут из ларей пополам с серебром
ячменные щедрые струи.

А шторм, безобразный седой коновал,
хохочет истошно и яро,
роняя зарницы, топя острова...
Терзают и давят валов жернова
смолёное тело драккара.

Во мраке густом устремился к земле,
кленовым листом затерялся во мгле
на волю отпущенный ворон,
и стонут варяги, как дети, сомлев
в ладонях безумного Тора.

А буря, осеннюю жатву творя,
грохочет над их головою,
бурлит ледяная купель октября.
И только один однорукий варяг
припал на весло кормовое.

Но души людские уже не вольны
управиться с ужасом чёрным...
Восходит свиное око луны,
то в тучу ныряя, то в гребень волны,
над их кораблём обречённым.

Иглой под рукой неумелой швеи
идёт он, борта окуная свои,
вдогонку за вороном вещим,
и призрачным светом сырой чешуи
глаза деревянные блещут.

Идёт он, обрывки снастей полоща,
на скорые смертные муки.
Раскручена вихря слепая праща,
и стонут варяги... и доски трещат...
и руны поёт однорукый.

ТИГР

*В сердце камня проникает стрела,
оцувтившая крепость руки и душевную силу.
Классическое хокку*

Он шёл, торопясь дойти, под мутной луною,
и большая часть пути была за спиною,
за поясом – два меча и лук за плечами...
А ветер бамбук качал, и совы кричали,
и двигались облаков тяжёлые ключья
и тысячи мотыльков,
подхваченных ночью.

Размашисто шёл стрелок в крылатой метели,
и пять совершенных строк родиться хотели.
Он думал, как в них солбёт мгновенье и вечность,
и бабочек жёлтых лёт в туманную млечность.
То тучи скользили прочь, то в ту же минуту
опять становилась ночь,
как ягоды тута...

И вот, за сквозной стеной сплетённых растений,
где воздух прошит луной и шаткие тени,
где духи ведут во мгле весенние игры –
увидел он варуг к земле
припавшего тигра...

И горного ветра гул сменился затишьем,
рукав кимоно мелькнул летучею мышью.
В движении том была смертельная сила.
Ушла с тетивы стрела и цель поразила.
И, не усомнясь ничуть в посланце пернатом,
в долину продолжил путь
питомец Ямато.

Когда же расцвёл восток под пение птичьё –
пришёл со слугой стрелок за редкой добычей...
И многие сотни лун с тех пор вспоминают
пробитый стрелой валун
и дух самурая.

БАЛЛАДА ОБ ИМЕНИ

Солдатам и офицерам Плесецка посвящается

Ты можешь словом заковать огонь?
Хотя – не об этом речь...
Однажды прислали на полигон
летучую Рыбу-меч.

Солдатик-техник, из тех ребят,
ревнующих к небесам, –
он имя подруги, её любя,
на корпусе написал.
И вот, огнём дохнув горячо,
светя миллиардом свеч,
ушла в поднебесье крутой свечой
летучая Рыба-меч.

И снова секции головной
нацелили острие,
и слово «Таня» белело вновь
на корпусе у неё.
И кто-то пришлый, из важных лиц,
настойчивый в мелочах,
на старт явился с проверкой-блиц –
заслушать и замечать.
Он был педант, и он приказал
следить неуклонно впредь,
чтоб так не баловалась «кирза».
А имя велел стереть.

...При слове «Пуск» ухмыльнулся рок
одним из кошмарных рыл:
он вырвал ракете её нутро –
и кратер жерло раскрыл.
Шатнуло громом лесную глушь,
плеснула заря за край,
и много мужских небезгрешных душ
отправилось прямо в рай...

Был новый запуск. Потом другой...
И милостив был Господь,
и был послушен теперь огонь,
спаливший живую плоть.
Но каждый борт непреложно нёс
способное уберечь
простое имя, что так всерьёз
присвоила Рыба-меч.

—

ДЕЖА-ВЮ В ТЁМНЫХ ТОНАХ И ТРЁХ ЭПИЗОДАХ

Эпизод 1

Солнце
светить устало, и стал – закат.
Донце
дня обнажилось. Сменивший масть,
скомкан,
отброшен свет, и, как век назад,
кромка
из огненной – в сизую налилась.

Облачной
полосой разделённый зенит –
Яблочной
кожурой в бирюзовой воде.
Племя
младое шатается и гомонит:
время
любить и на спинках скамеек сидеть...
Синее –
в черноту переходит. И все
линии
превращаются в смазанный штрих...
Купол
остыл, и на выпавшей звёздной росе –
купы
деревьев и всплеск электронных шутих...

Эпизод 2

Ночь знакома, как сон знаком,
а откуда – не вспомнить... да нет и смысла.
В бритву заточенным пятакон
воровская луна повисла.

Ночь – южна. Обо всём целиком
заставляет забыть.
Аскорбиново-кислый
лунный свет укажет легко
казино под названьем «Счастливые числа»...

С пуговицей в руке – деликатно встрять
между новым русским и казнокрадом,
кинуть жетончик на «двадцать пять»
(это возраст подружки, сопящей рядом).
Поглядеть, как шарик исполнит каприз,
и с ненужным пучком салата в кармане,
приобняв за бедро ликующий приз,
со ступеньки шагнуть – и поплыть в нирване,
широко загребая её веслом,
преклонив колено на дне каноэ,
ощущая шейей дыханье хмельное, –
в темноту, за другим счастливым числом...

Эпизод 3

Ветер. Темно. Но, рискуя споткнуться,
скачет мелодия. Спать не хочет
август – и белобрыся «тутси»
в первом часу августейшей ночи.

Ветер...
И веет мистической жутью
от тела, которое в ритме «латино»
на негативе, засвеченном ртутью,
на тёмной террасе, на гулких пластинах
колеблется, гнётся, свивается штопором,
руки вдевает в размытые тени,
в сквозящую сеть серебристого тополя
и в перламутровых пятен смятение.

Телом, затянутым в тонкий эластик, –
ветер колдует белая мамба.
Воздух, раскроенный хриплыми ямбами,
склеен движением змеиной пластикой.
Ветер, пойманный магией пляски,
дует порывисто. Ветру лю-у-бо!..
Льнёт, с грудями упругими ласков,
и холодит приоткрытые губы,
и раздувает поздний шансон
шалый муссон.

Крутятся времени плавные лопасти,
сеют мгновенные млечные радуги,
переплетают с таинственной ловкостью
зрелость печали и юную радость,
и, грешную нежность своей природы
замаскировав леопардовым светом,
теснее сплетается мисс Футурум
в насквозь эротичной ламбаде с ветром.
А он, покидая её коварно,
устав провоцировать вёрткую талию,
снова вливается в русло бульвара,
где бредят витрины прекрасной Италией...

Там, в середине огромного вороха
белого шума и белого шороха,
влажного лепета избытка –
люди уснули и автомобили,
и саксофона ночной клаксон
усугубляет сон.

ВЕСЕННИЙ ЮЖНЫЙ ВЕТЕР. НОЧЬ

Отодвинешь задвижку, уйдёшь на крыльцо,
в темноту, как в футляр из уютного фетра,
распрямишься, вздохнёшь, – и охватит лицо
неожиданной лаской прохладного ветра.

Он настоян на стеблях, пустившихся в рост,
он течёт из прорехи небесного меха...
Зацветают черешни, и пригоршни звёзд
наливаются светом на ветках ореха.

Напльвающий хмель, одинокая трель...
Это даже не ветер, а ночи дыханье,
это лепет садов, это новый апрель,
полусонное листвяк и неба коханье.

И качается сумрака лёгкая зыбка,
и весна, примиряя со мной бытнё,
неоправданно щедро, за так, за улыбку
наполняет усталое сердце моё.